

## Причины появления новых конституций

**А.Н. Пугачёв**

кандидат юридических наук, доцент,  
заведующий кафедрой  
теории и истории  
государства и права,  
Полоцкий  
государственный  
университет,  
Республика Беларусь

*У статті виявлено та проаналізовано причини появи нових конституцій з урахуванням усіх можливих суспільно-політичних чинників. Показано, чому необхідність прийняття конституції виникає при утворенні нової держави. Актуалізується дискусія про «постійні» та «тимчасові» конституції, критично осмислюється категорія «перехідного періоду», що обумовлює момент прийняття нового основного закону. Країнознавча специфіка в цій публікації представлена в контексті порівняльно-правових досліджень.*

*В статье выявлены и проанализированы причины появления новых конституций с учётом всех возможных общественно-политических факторов. Показано, почему необходимость принятия конституции возникает при образовании нового государства. Актуализируется дискуссия о «постоянных» и «временных» конституциях, критически осмысливается категория «переходного периода», обуславливающего момент принятия нового основного закона. Страноведческая специфика в настоящей публикации представлена в контексте сравнительно-правовых исследований.*

*The reasons of emergence of new constitutions taking into account all possible political factors are established and analyzed. It is shown why need of adoption of the constitution arises at formation of the new state. Discussion about «constants» and «temporary» constitutions is staticized. The category of the «transition period» causing the moment of adoption of the new basic law is critically comprehended. Regional geographic specifics are presented in a context of comparative and legal researches.*

**Ключевые слова:** конституция; основной закон как первопричина государственности; конституционный кризис; изменение конституции; временные и постоянные конституции; «переходный период» как категория конституционализма; конституционная революция; легализация и легитимность конституции.

### Постановка проблемы

В юридической литературе появление новых конституций традиционно связывают со способами их принятия: октроированием, представительными учреждениями, референдумом. Однако, с нашей точки зрения, принятие конституции является собой лишь последнюю стадию конституционного процесса. Куда более важно исследовать действительные причины появления конституций, выявить сопутствующие исторические, политические, международные, экономические факторы. При всём многообразии такого рода обстоятельств имеет практический смысл и научное значение целенаправленное обобщение причин появления новых конституций, т.е. выработка определённых классификационных подходов, что способствует

систематизации нашего знания о государстве и праве.

### Анализ последних исследований и публикаций

По обозначенной проблематике не существует монографических и диссертационных исследований, однако отдельные фрагменты проблемы представлены в работах С.А. Авакьяна, А.Н. Медушевского, Т.Я. Хабриевой, В.Е. Чиркина, М.Ф. Чуданова, Б.С. Эбзеева, Ю.А. Юдина.

### Не решенные ранее части общей проблемы

При всей разработанности истории и теории конституционализма комплексное изучение причин новых конституций не нашло своего места в научной литературе. Во многом это объясняется тем, что такого

рода исследования находятся на «стыке» междисциплинарных знаний, выходят за традиционные границы научного поиска, обязывают к изучению закономерностей в неправовых сферах.

Целенаправленное и системное обобщение причин появления новых конституций позволяет обратить внимание на факторы, играющие роль классификационных признаков.

### **Формулирование цели статьи**

Цель статьи – на основе комплексного анализа указать, проанализировать и обобщить основные причины появления новых конституций с учетом сопутствующих исторических, политических, экономических и международных факторов.

### **Изложение основного материала исследования**

Понимание закономерностей формирования конституционализма предполагает и целенаправленное обобщение причин появления новых основных законов, поскольку политические, экономические и юридические преобразования в обществе проходят с различной степенью интенсивности и имеют разный характер в зависимости от страноведческой специфики. Этот процесс обусловлен ситуацией в конкретной стране на соответствующем этапе её развития, т.е. история конституции всегда неотъемлема от истории общества и государства.

Как правило, появление новой конституции всегда сопровождается существенными изменениями в жизни общества, подводит итог предшествующему развитию, знаменует качественно новый этап в истории государства, отражает утверждение новых идеологических концепций или совершенствование существующих. Вряд ли возможно дать исчерпывающий перечень причин такого рода, да и трактовка их затруднительна с каких-либо единых позиций, что подтверждается изучением соответствующей литературы. Однако общий ракурс проблемы уловим, и это позволяет обратить внимание на следующие обстоятельства.

1. Необходимость принятия конституции возникает при образовании нового государства. В этом случае конституция рассматривается как учредительный правовой акт – первопричина государственности. США в этом отношении – характерный пример, поскольку на месте колониальных штатов «отцы-основатели» стремились закрепить установленный ими внутренний порядок, пошли на решительный разрыв с метрополией с намерением создания собственного государства на принципиально иных основах. Здесь создание государственности шло параллельным курсом с учреждением основного закона, всё начиналось с «чистого листа». И в этом усматривается очевидное преимущество американского пути развития.

Особенность этой «конституционной революции» А.Н. Медушевский [1, с. 151] усматривает в том, что во время её не происходило радикального внеправового изменения социальной системы, а речь шла скорее об изменении политических и правовых параметров. Но не следует забывать о том, пишет К.В. Арановский, что «до принятия Конституции США народы штатов уже имели конституционный опыт (так, действующая Конституция Массачусетса датируется семью годами раньше федеральной американской Конституции), как и предысторию союзнических отношений. Конституцию США поэтому приняли не без возражений, но всё же с готовностью...» [2, с. 207].

В XX в. принятие многих конституций также означало учреждение совершенно новых по своей природе государств. Верно отмечено [3, с. 35], что во всех странах Азии, Африки, Латинской Америки, Океании, освобождавшихся в 50-90-е годы XX в. от колониальной зависимости, принятие конституций (иногда дарованных метрополией) означало юридическое признание первоначального образования государства в прежнем колониальном обществе. Всего таким путём возникло более 130 новых государств. В Европе в 90-е годы происходили иные процессы, и связано это с распадом существовавших

стран и образованием на их территории новых государств (это касается бывших СССР, Чехословакии, Югославии).

2. Конституция может появиться как результат оформления нового политического и социально-экономического строя. Речь идёт о том, что формально возникает новое государство со своей конституцией и приходит оно на смену ранее существовавшему на данной территории государству. Например, разрыв с прежней государственностью был провозглашён французской Декларацией 1789 г. и конституцией 1791 года. Принятие конституции не означало первоначального учреждения государства, так как в отличие от колониальной Америки французское государство существовало сотни лет. Принятие конституционных актов означало коренное изменение характера государственной власти, рождение нового по своей социальной сущности государства, «и в этом случае конституция выступает как учредительный акт создания нового государства, но взамен ранее существовавшего» [3, с. 35]. Здесь конституция является не отражением действительности, а образом для неё.

Как правило, такого рода события называют конституционным кризисом, т.е. «основной закон теряет легитимность (возникает разрыв легитимности и законности), либо различные конституционные нормы не могут быть согласованы противоборствующими социальными силами на базе действующего основного закона, либо конституция или часть её норм вступают в радикальное противоречие с политической реальностью» [4, с. 465]. Наиболее чётко механизм конституционного кризиса предстаёт в ходе радикальных социально-политических революций (французской, мексиканской, русской, китайской, иранской). В его основе – перманентный конфликт старого и нового права, определяющий специфику модели изменения конституций. Профессор А.Н. Медушевский в данном случае предлагает использовать термины «конституционная революция» и «конституционный переворот» [4, с. 467], под которыми он понимает

такие радикальные изменения основного закона, которые не вытекают из его собственных положений и, следовательно, ведут к созданию совершенно новой конституции. В качестве примера [1, с. 151] он приводит Францию, Мексику, Россию, Китай, Иран.

Конституционный кризис, как причина «революций» и «переворотов», отражает не столько внутреннее состояние самого основного закона, сколько проявления системного кризиса в обществе, когда действительность очевидно дистанцируется от конституции. По определению В.О. Лучина, «конституционный кризис [...] затрагивает все основные сферы общественной жизни, проявляющийся в девальвации конституции, резком расхождении её с общественной практикой; функционировании социально-экономических, политических, государственно-правовых институтов с существенными отступлениями от требований конституции; разрушении единого конституционно-правового пространства, длительном бездействии или ненадлежащем действии конституционных и иных правовых норм, массовом безнаказанном их нарушении, достигающем критических величин» [5, с. 407]. Можно сделать вывод, что под конституционным кризисом подразумевается процесс неконституционной смены основ общественного и государственного строя, не обусловленный деструктивным влиянием какого-либо одного фактора.

В Новейшей истории характерен пример с Конституцией РСФСР 1918 г. [6, с. 145], которая в формальном плане была Основным законом нового государства, возникшего на части территории бывшей Российской империи. Но прежде всего это была конституция государства, провозгласившего новый социально-экономический и политический строй – социализм, который связывался с властью рабочих и крестьян, отстранением от власти капиталистов и помещиков, с приверженностью общественной и отменой частной собственности, реализацией идеи мировой революции.

Коренная перемена политического и экономического курса государства является одной из самых серьёзных и распространённых причин появления новых конституций и принципиально нового законодательства (см., например, В.М. Сырых [7, с. 177]). Так складывается ситуация, что при определенных условиях политические силы, стоящие у власти, по тем или иным причинам теряют её. К руководству приходят радикал-реформаторы, которые имеют свою идеологию, то есть систему взглядов на то, какой быть государственной власти и как должно управляться общество, каким ценностям и идеалам необходимо следовать. Проводя свою политическую и правовую идеологию в жизнь, силы, пришедшие к власти, отменяют ранее действовавшее законодательство и принимают новые акты. Так, в 1917 г. большевики полностью отказались от юридического наследия Российской империи, взамен принимая революционные декреты.

Такая ситуация была характерна для большинства бывших советских республик, и в изменившихся условиях «конституция как основной закон государства была призвана отражать на правовом уровне соответствующие противоречия и, по мере возможности, способствовать их разрешению с помощью специфического, юридико-правового конституционного инструментария, воздействующего на различные сферы общественных отношений» [8, с. 45]. Н.С. Бондарь, автор приведенной цитаты, не считает в этом плане исключением и Конституцию России 1993 г., рассматривая её как юридизированную форму отражения социальных противоречий.

Для бывшего СССР исключением из правил составляла Латвия, не принявшая новой конституции. Считается, что в 1990 г., заявив о восстановлении своей независимости, Латвия начала самую радикальную ломку Советской правовой системы. Но из всех республик Союза Латвия стала единственной, которая пошла по пути реставрации досоветской правовой системы [9, с. 375]. В 1992 г. были восстановлены в силе два главных акта – конституция

1922 г. и Гражданский закон 1937 года. Оба документа с точки зрения современных правовых реалий и юридической техники выглядят несколько архаичными, однако для латвийского руководства важно их символическое значение как свидетельство непрерывности, и преемственности латвийской государственности. В акты вносятся только самые необходимые изменения, например, конституция 1922 г. дополнена отсутствовавшим ранее разделом о правах человека и нормами о Конституционном Суде. Восстановление же других досоветских законов часто имеет временный характер, и они действуют до принятия нового законодательства.

3. Появление конституций может быть обусловлено изменением формы правления, территориального устройства, политического режима. Например, государство было монархией, а стало республикой – это основа для принятия новой конституции; может иметь место и обратное – превращение республики в монархию либо «реставрация» монархии (такие события имели место в конституционной истории Испании XX века). Или, парламентарная республика стала президентской; и наоборот – на смену президентской республике пришла парламентарная.

В ряду рассматриваемых причин может быть рассмотрен случай, который М.Ф. Чудаков полагает заслуживающим особого внимания. Автор считает [10, с. 59], что сюда относится ситуация, когда лидер страны в кризисную эпоху инициирует принятие новой конституции, чтобы установить новые правила политических и правовых действий, новые государственно-правовые институты, включая новую структуру власти вообще. Приводится ставший уже хрестоматийным пример генерала де Голля и «его» конституции 1958 г., которая появилась в разгар Алжирского кризиса. Как известно, де Голль согласился возглавить страну только при условии принятия новой конституции, по которой он получает весомые полномочия (де Голль вовсе не обижался, когда о нём говорили как о но-

воиспечённом «диктаторе»). Он настаивал на «суперпрезидентских» полномочиях не из-за утоления политических амбиций, поскольку и так заслуженно обладал статусом «народного героя» сообразно вкладу в борьбу с нацизмом и восстановление послевоенной Франции. Тем более не ставились под сомнение демократические ценности. По сути, генерал предотвратил назревавшую гражданскую войну и очень своевременно решил проблему с северо-африканскими колониями. Как оказалось, де Голль верно рассчитал, что посредством новой конституции будет укреплена французская государственность. В его пользу говорит и тот факт, что им никогда не рассматривались варианты «пожизненного» президентства.

Несомненно, перед нами ситуация конституционного кризиса, затрагивающего политический режим и форму правления. Но в отличие от конституционной революции (переворота), во Франции под угрозой не были поставлены принципы демократического устройства, здесь не «свершалась» социальная и политическая революция. Порядок и процедуры реформирования Конституции IV Республики были чётко оговорены, что позволило избежать неконтролируемого процесса конституционных изменений, «ведущего к авторитарному перерождению демократических норм без их формально-юридического пересмотра» [4, с. 467]. Трудно определить, что же всё-таки имело место – жёсткая конституционная реформа либо мягкая конституционная революция. Если учесть, что за принятием Конституции V Республики не последовало радикальных изменений правовой, политической и общественной системы, то, вероятнее всего, следует остановиться на первом варианте. Французские авторы [4, с. 482] предпочитают говорить о «юридическом перевороте». Немецкая политическая традиция иная, поскольку переворот либо путч – «всегда насильственное изменение состава высшего руководства» [11, с. 426], но до этого во Французской Республике дело не дошло.

Многочисленные нарушения закона,

сомнения в требуемой явке избирателей, непонятный порядок подсчёта голосов и объявления итогов этого референдума оставили много вопросов. Но Основной закон был принят и действует по сей день. Как пишет председатель Конституционного Суда России В.Д. Зорькин (активный участник тех событий не на стороне Б.Н. Ельцина), «наша Конституция является необходимой и достаточной основой для развития законодательства и всей правовой системы России. Лучшей конституции в обозримой перспективе не предвидится. Надо дорожить существующей Конституцией и развивать правовой вектор этого документа» [12, с. 61]. Такая точка зрения не разделяется многими российскими политиками, юристами, общественными деятелями, однако никто не оспаривает того факта, что события 1993 г. в России были радикальной политической революцией, трагический опыт которой не должен повториться.

4. Распространённой причиной появления новых конституций принято считать факторы эволюционного свойства, когда «действующая конституция не может быть приведена в соответствие путём её частичного изменения с учётом тех существенных перемен, которые произошли в политической, социальной и экономической жизни общества» [13, с. 76]. В данном случае новая конституция может знаменовать новый этап в развитии общества и государства, тем более, если это происходит естественным, так называемым эволюционным (т.е. в целом мирным и спокойным) путём.

По мнению М.Ф. Чудакова, такого рода случай рассматривается «субъективной» причиной принятия конституции, выявляя прежде всего идеолого-пропагандистские цели: «...в политико-правовом документе (конституции) закрепляются формальные и косметические перемены, но выдается это за огромный шаг вперёд. Это, к примеру, Конституция 1977 года» [10, с. 60]. Подобное суждение может быть отнесено к большинству советских конституций, а Конституция БССР 1978 г., в частности, служит ярким примером примитивного «слеп-

ка» с общесоюзной Конституции 1977 г. в плане своей заданной фиктивности.

Однако, действительно ли является «несомненным, что конституция СССР 1977 г. и республиканские конституции 1978 г. сыграли определенную роль в постепенном движении страны в направлении народовластия и формирования гарантий экономических, социальных и культурных, а также гражданских прав, интеграции демократических идей и принципов в общественное сознание», как то уверяет С.А. Авакьян [14, с. 73]. Что же всё-таки имело место в связи с принятием Конституции СССР 1977 г.: попытка построения гуманного и демократического социализма либо консервация устоявшейся системы под новой вывеской? С нашей точки зрения, положительно следует ответить на вторую часть вопроса.

Для нас очевидно, что декоративные и популистские союзные и республиканские конституции не были порождены объективными потребностями социальной практики. Разрыв между конституционно провозглашёнными принципами народовластия и реальной действительностью не становился меньше. Дальнейшее развитие событий показало, что постоянно возобновляющаяся партийно-бюрократическая система организации власти лишала общество и образующие его структуры необходимого самоуправленческого потенциала. Тотальная уравниловка в системе экономических отношений отбивала стремление к труду, творчеству и профессиональному совершенствованию. Поэтому не случайно, когда в конце 80-х годов СССР оказался перед лицом серьезных политических, национальных, социальных, экономических и международных проблем, он так и не смог их решить, а действовавшая конституция и вовсе оказалась непригодной и неприспособленной к новым общественным реалиям внутри страны и за рубежом. Заложенный в конституции потенциал эволюционного развития мало что значит, если основному закону уготовлена роль фиктивного и декларативного документа. В Конституции СССР 1977 г.

«в полной мере проявилась несостоятельность концепции совершенствования так называемого развитого социализма» [15, с. 73], как точно указал Б.С. Эбзеев в своём фундаментальном исследовании.

5. Принятие нового основного закона может быть обусловлено окончанием периода действия конституции. Здесь следует видеть два подхода [6, с. 146]. Один является, строго говоря, формально-юридическим, то есть в самой конституции устанавливается срок её действия, что и приведёт к разработке нового основного закона. Во втором случае применяется категория «переходного периода». Рассмотрим оба варианта.

Временные конституции принимаются, отмечает М.Ф. Чудаков [16, с. 149], как правило, в особых условиях – во времена потрясений, революций, военных переворотов, связанных с изменением государственного устройства. Такая практика имела место во многих постсоветских республиках бывшего СССР, а также после крушения социалистической системы. Принимались эти конституции, как правило, в упрощённом порядке, чаще всего – парламентами.

Действующая конституция была принята Национальным Собранием только 2 апреля 1997 года и одобрена на референдуме 25 мая 1997 года. Таким образом, продолжительность «переходного периода» составила 8 лет. Как видим, состоялся достаточно мирный «демонтаж» социалистической системы с 1989 года. Как верно отмечается, последующие и «нынешние» реформы польской правовой системы также проводятся очень осторожно, без спешки, сопровождаются длительными дискуссиями и подготовительными работами» [9, с. 520]. Более подробно о теории и практике польского конституционализма можно прочитать у А.Е. Вашкевича [17], знание которого, с точки зрения учёного, чрезвычайно актуально для белорусской юридической науки уже хотя бы в силу 400-летней общности государственно-исторического, экономического и социокультурного развития наших народов.

Необычна ситуация с «переходным периодом», имевшая место в Германии. Принятый в 1949 г. Основной закон ФРГ, действующий и поныне, рассматривался временным документом не только в период раздела Германии на ФРГ и ГДР, но и после Договора об объединении Германии 1990 года. Вот что гласит статья 146 этого верховного акта: «Настоящий Основной Закон, который в результате обретения Германией полного единства и свободы распространяется на весь немецкий народ, прекратит своё действие в день, когда вступит в силу Конституция, принятая свободным решением немецкого народа» [18, с. 104]. Следствием объединения стали многочисленные поправки к Основному закону, которые, однако, не поколебали его духа и принципов. Но факт остаётся фактом – на 2014 г. в этой стране так и не принята общегерманская Конституция.

Но даже если в таких условиях принимаются «постоянные» конституции, «факт установления неограниченного срока их действия отнюдь не гарантирует их вечности, а лишь указывает на намерения законодателя в момент принятия» [19, с. 70]. Для многих государств XX века «конституционная чехарда» представляла собой обычное явление. Десятки «временных» и «постоянных» конституций насчитывает современная история Боливии, Венесуэлы, Гаити, Доминиканской Республики, Йемена, Таиланда и ряда других стран. Иметь основной закон в государстве и практиковать конституционализм – вещи совершенно разные.

Беларусь удачно воспользовалась «переходным периодом» 1990-1994 гг., когда в этот промежуток времени плодотворно работала Конституционная комиссия, созданная при Верховном Совете XII созыва. Несмотря на объективно возникавшие проблемы и политические разногласия, в 1994 г. наша страна обрела свою первую конституцию как независимое государство. Здесь события развивались в русле, характерном для большинства бывших республик Союза ССР (более подробно

см. монографии А.В. Курьяновича [20] и М.Ф. Чудакова [10]).

6. Самостоятельной причиной принятия новых конституций А.Н. Медушевский [1, с. 151] видит давление извне после военных поражений. Например, принятие Основного Закона ФРГ 1949 г., содержание которого определялось и жёстко контролировалось союзниками, а сам документ, как отмечалось выше, задумывался его создателями как временный конституционный акт (хотя и ставший впоследствии реальной конституцией страны). Другой случай – Конституция Японии 1946 г., написанная американцами в период оккупации страны, радикально изменившая её правовые традиции и принятая под прямым давлением США, но при этом внешне показывавшая определённую преемственность.

### Выводы

Проведённое исследование позволяет говорить о том, что названные выше причины появления новых конституций могут взаимодействовать и переплетаться; проявляться в принятии не новой конституции, а изменений и дополнений, вносимых в действующий основной закон, – или это делается как первые шаги, а затем принимается новая конституция, по сути вбирающая в себя многие из прежних преобразований. Пожалуй, невозможно установить исчерпывающий перечень причин появления новых конституций, как и все возможные виды комбинаций из рассмотренных. Тем не менее, и в этом прав С.А. Авакьян [6, с. 147], принятие новой конституции – отнюдь не формальный шаг, даже если она и повторяет положения ранее проведённых конституционных реформ. Принятие новой конституции является радикальной политической и идеологической акцией тех, кто её готовил, и имеет целью укрепить существующий общественный строй, государство, веру граждан в новый порядок, закреплённый конституцией, его стабильность и незыблемость. Как бы ни говорили о том, что основное содержание новой конституции подготовлено предшествующими реформами, в сознании людей они будут связываться именно с этой – новой конституцией.

**Литература**

1. Медушевский А.Н. Российская модель конституционных преобразований в сравнительной перспективе / А.Н. Медушевский // Конституционное право : Восточноевропейское обозрение. – 2003. – № 2 (43). – С. 148-166.
2. Арановский К.В. Конституционная традиция в российской среде. / К.В. Арановский. – С.-Пб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 658 с.
3. Хабриева Т.Я. Теория современной конституции / Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин. – М. : Норма, 2005. – 320 с.
4. Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов / А.Н. Медушевский ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. – 574 с.
5. Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации / В.О. Лучин. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 687 с.
6. Авакьян С.А. Конституционное право России : Учебный курс. – В 2 т. Т. 1 / С.А. Авакьян. – М. : Юристъ, 2005. – 719 с.
7. Сырых В.М. Теория государства и права : Учебник для вузов / В.М. Сырых. – 5-е изд. – М. : ЗАО Юстицинформ, 2006. – 704 с.
8. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия / Н.С. Бондарь. – М. : Норма; ИНФРА-М, 2011. – 544 с.
9. Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник / Отв. ред. – д.ю.н., проф. А.Я. Сухарев. – 2-е изд., изм. и доп. – М. : НОРМА, 2001. – 840 с.
10. Чудаков М.Ф. Конституционный процесс в Беларуси (1447-1996 гг.) : Монография / М.Ф. Чудаков. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2004. – 327 с.
11. Паліталёгія. Асноўны курс. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2002. – 680 с.
12. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция / В.Д. Зорькин. – М. : Норма, 2010. – 544 с.
13. Сравнительное конституционное право : Учебное пособие / Отв. ред. В.Е. Чиркин. – М. : Междунар. отношения, 2002. – 448 с.
14. Авакьян С.А. Конституция России : природа, эволюция, современность / С.А. Авакьян. – М., 2000. – 206 с.
15. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации / Б.С. Эбзеев. – М. : Юридическая литература, 2005. – 576 с.
16. Чудаков М.Ф. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : Учебное пособие / М.Ф. Чудаков. – Минск, ООО «Новое знание», 2001. – 576 с.
17. Вашкевич Александр Основы конституционного права Республики Польша : пособие для студентов вузов / Александр Вашкевич. – Минск : Тесей, 2007. – 488 с.
18. Основной Закон Федеративной Республики Германия. Введение и научное консультирование : проф. В. Бергманн. – Бонн, Клаусен & Боссе, Лек, 1998. – 136 с.
19. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : Учебник для юридич. вузов. Тома 1-2. / Андреева Г. Н., Андреев И.А., Будагова А.Ш. и др.; под ред. Б.А. Страшуна. – М.: БЕК, 1996. – 778 с.
20. Курьянович А.В. Конституция независимой Беларуси: разработка, проекты, принятие : монография / А.В. Курьянович. – Минск : Тесей, 2010. – 176 с.